

Время от времени вспоминая какие-то случаи из жизни, автор стал записывать, точнее, набирать на компьютере небольшие тексты, назвав их былинками. Почему? Потому что слышится связь с такими замечательными словами, как «быль», «былина», обозначающими нечто случившееся, правда, давным-давно. А еще былинка — это тонкий стебелек травки летучей: вот она была — и нету... Все истории, рассказанные ниже и имеющие реальную основу, все же не документ: изменены имена, додуманы кое-какие детальки, — те, кто любит рассказывать байки, об этом прекрасно осведомлены...

ВИТЁК

Витёк был четвертый в семье, а перед ним все шли сестры — Вера, Надежда и Любовь. По семейному преданию, отец был так рад долгожданному сыну, что гулял целую неделю, зазывая родных и знакомых в дом полюбоваться на «наследника всех его богатств». Бабка, вскоре не выдержав (а принимала роды у себя дома именно она, потому что сноха наотрез отказалась идти в роддом — хватило прошлых трех раз), заявила: «Все, идите к себе — никакого терпения нет: то младенец орет, то гости ваши...»

Счастливым родителем несколько задержался с оформлением свидетельства, и

только при получении паспорта Витёк узнал, что его, не знаящего своих исходных параметров — роста, веса, еще и по поводу даты рождения все шестнадцать лет вводили в заблуждение... Правда, с тех пор появилась возможность получать поздравления дважды: сначала — от родных и близких, а через неделю — от работников отдела кадров.

Их дом, рядом с Курочкиной горой и речкой Шугуровкой, был маленьким, неказистым, к тому же по весне подпол заливало водой. Квакающие лягушки да еще две-три картинки из самого раннего детства запомнились...

Старшие сестры, чтобы мальчик заснул, пугали его медведем, накинув на себя черную шубу. Действовало исключительно — причем так, что мальчик вскакивал по ночам, орал благим матом, и папка с мамкой забирали его к себе, «в беремку».

Родители работали, а сестры учились. Витёк, оставшийся один дома, иногда бурно протестовал (но запертая дверь была крепка!), а потом, устав, садился рисовать в предупредительно оставленном на столе альбоме, при этом зорко поглядывал из окна на дорогу: вот-вот должны появиться сестры, которые обязательно принесут школьное пирожное по 10 коп., а то и детские книжки с картинками из школьной библиотеки.

Когда Витёк родился, сестрам было шесть, четыре и два годика соответственно. Потом семья переехала в Сибирь, где случилось первое несчастье: младшая Любочка простудилась и умерла. Витёк частично потом рассматривал фотографии, на которых они вдвоем — бессмысленный взгляд ползающего пацаненка и живые искристые глаза трехлетней круглощечкой в ямочках, кудрявой сестренки... На похоронах отец плакал, как женщина.

Мама рассказывала: «Ты был спокойненький: где оставлю — там и сидишь!» — «Такой глупый, что ли?..» — «Нет, такой послушный. А один раз на кухне готовлю, а вы с Любочкой в комнате. Слышу — затихли. Забегаю: она подушку положила на тебя и сверху уселась. Ты уже — синенький почти...» Так Витёк был спасен мамой для последующей жизни — то ли сестренка ревновала его, то ли просто играла в свою игру...

Между прочим, испытывать на прочность судьба начала Витька уже в первые минуты существования. Когда он только-только выбирался на свет, бабка что есть мочи закричала будущему дядьке: «Женька! Беги к Братке, скажи — сын родился!!!» Может, от этого клича, может, от петуха, зимовавшего под детской кроваткой и однажды в неурочное время так запевшего, что мальчика било целую неделю, но только Витёк почти до трех лет, как Илья Муромец, не ходил. Било действительно всерьез — до тех пор, пока из Башкирии в Сибирь не приехала бабка. Настасья Петровна что-то пошептала, перекинула мальчика через ночную рубашку (как бы заново родила), и тот вскоре затих. Мальчик быстро пошел на поправку, но вставать на ноги отказывался. «Наверное, силы копили — сейчас он как бегайте!», — смеются сегодня коллеги, слушая рассказ о Витькином «безножном» детстве.

Больше всего времени он проводил с Надей и сильно доставал ее этим — той хотелось бегать с подружками, а рядом этот «хвостик»... У Нади способности к обучению открылись только в средней школе, которую она закончила с серебряной медалью, — начальные же классы давались с трудом, особенно ненавистная литература. Вот отец в маленькой комнате рисует на загрунтованной клейстером клеенке ковер для продажи (в конце пятидесятых — начале шестидесятых изображении оленей с

лебедями украшали многие комнаты в бараках на окраинах Уфы), а средняя дочка читает «Серую шейку». Медленно, с трудом, чуть ли не засыпая. «Собака... залаяла... хвостом», — тянет Надежда. «Разве собака может лаять хвостом?» — удивляется пятилетний брат, внимающий «художественному» исполнению сказки Мамина-Сибиряка. Смех отца и... суровый, предупреждающий о неминуемой мести взгляд сестры.

За эстетическое воспитание в семье отвечала Вера. Подопытным объектом выступал, естественно, младший братишка. Коротенькие штанишки (о шортах тогда еще не слышали) вызывали насмешки соседских мальчишек, не говоря уже о рубашечках и галстучках... Но старшая сестра последовательно и неумолимо внедряла современные стандарты в семейный быт: прекрасно шила для себя сама и стремилась одевать по моде братишку. Тогда-то его и прозвали «Костюмчиком», а потом и Витьком — видимо, еще по причине subtilности и маленького роста. На втором курсе университета он резко вымахал, но имя закрепилось — студенческие приятели до сих пор так обращаются к солидному профессору...

«Я поведу тебя в музей», — сказала мне сестра», — это и про Витьку. Если спектакли драматического театра он еще смотрел с интересом (сам ходил в драмкружок), то посещение концертов классической музыки лишь терпел, не желая обидеть строгую наставницу. И все-таки «Лунная соната» в живом исполнении столичного пианиста Витьку понравилась. Вера умильно поглядывала на братишку, похожего в этот момент на Гекльберри Финна, умытого и прилично одетого сердобольными тетушками...

НЕ КЛИМАТ...

Витёк любил путешествовать, особенно ему нравился поезд, который тащил черный Паровоз. Если смотреть с верхней полки, то на повороте можно из окна увидеть, как из трубы выходит белый пар, и услышать паровозный гудок. А свесившись с полки, интересно слушать взрослых, рассказывающих о городах, в которые они едут, о родственниках, которые их будут встречать... Обо всем, в общем.

Путешествовать Витёк стал рано: ему еще не исполнилось и года, когда семья переехала в Сибирь. А там, кто не знает, очень холодные зимы, поэтому в комнате, где стояла кровать Витька, жили куры и петух. Петух был красивый, важный — вот он однажды утром и запел, да так громко, так неожиданно, что Витёк вздрогнул и стал биться в судороге. Несколько дней никто ничего не мог с этим поделать, и вызвали по телеграмме его бабушку, которая его и поставила на ноги.

Потом семья вернулась в Синегорск. Когда Витьку исполнилось 5 лет, бабушка взяла его в поездку — на свадьбу своего сибирского племянника. Невеста была красивая, в белом платье и в фате, украшенной бумажными цветами. Жених-племянник взял ее на руки и усадил в тарантас, в который Витьку запряжен конь, а на облучке сидел дед, похожий на цыгана, — в шляпе и в красной атласной рубахе. Он повез молодых по улице, и за тарантасом сразу же увязались дети, кричавшие: «Тили-тили тесто, жених и невеста!..»

Но вот гости уселись за длинные столы, стали угощаться, петь и плясать, а лучше всех — дядя Леня. Он был обут в подкованные сапоги, которые красиво стучали по полу. Дядя Леня держал руки в боки, выделявая ногами всякие фигуры-кренделя. Витьку было очень интересно на это посмотреть вблизи, но когда он приблизился к пляске, дядя Леня

вдруг взбрыкнул, выбросил ноги назад и попал малышу прямо по зубкам... Начался переполох, но потом все успокоились, потому что кто-то сказал: «Ничего страшного — прошло по касательной!» В поезде бабушка рассказала об этом попутчикам да еще прибавила случай о том, как трехлетняя сестренка, решившая помочь маме, накрыла Витьку подушкой и села на нее, укачивая: «А-а-а...» Все стали смеяться, и это Витьку не понравилось. «Что насупился? — усмехнулась бабушка. — Терпи, ты здесь в моей власти. Из поезда ведь не выпрыгнешь?» Витёк не понял сказанного, но вдруг почувствовал себя одиноким, беззащитным и заплакал. «Да, не климат тебе, парень, в Сибири», — сказал дядька с верхней полки.

ЛЮБОВЬ К ЛОШАДЯМ

Витёк очень любил Деревню — так в семье называли поселок Новая Жизнь, до которого сначала надо было ехать на поезде, а потом на попутной машине. Иногда дедушка приезжал за ним с мамой на телеге, в которую была запряжена Рыжуха или Серуха — Витёк знал почти всех лошадей поселка по кличкам: Лысой, Снежка, Голубь...

Орловский рысак Голубь был белый-белый и просто огромный, потому его держали в отдельном амбаре. Иногда конюх выводил коня, и тот начинал валяться по траве, перекатываться по ней, отряхиваться, фыркать. Голубь был просто необыкновенно красив, и Витёк частенько пробирался к амбару, чтобы в щелочку посмотреть, как он отдыхает, — конь сразу начинал храпеть, кося голубым глазом. Приехав в Деревню через несколько лет, Витёк чуть не заплакал, узнав, что его любимца забрали навсегда в район, чтобы он участвовал в каких-то бегах.

Дядя Семан давал всем прозвища: братья Шилинские у него были Шило и Кочедык, большеголовый Вовка — Чугун-башка, Витёк Шубин — Тулуп... Но на конюха никто не обижался, потому что он, несмотря на железную култышку вместо ноги, которую потерял на войне, всегда оставался веселым и добрым, а городским пацанам еще и разрешал покататься на лошадаках.

Витьку он тоже как-то предложил привезти для него кобылку с конюшни, чтобы легче было пасти табун. Тот помчался радостный к конному двору и выбрал Гнедую. Она дала накинуть на себя уздечку, но от удил отказалась... Как ни старался Витёк, не смог справиться с задранной вверх головой коричнево-шоколадной красавицы. Правда, поставив Гнедую рядом с воротами, он все же сумел на нее забраться, и они важно направились к табуну. Оставалось лишь перейти вброд маленькую речушку, когда Гнедая вдруг заартачилась и стала поворачивать назад. Витёк хотел повернуть на поселковую улицу — пусть деревенские посмотрят, как городской скачет, — но разнузданная лошадь перешла с рыси на галоп и помчалась к заветному стойлу. Витёк уже и не правил, а, сцепившись в гриву, старался лишь удержаться... И вдруг он ощутил счастье — чувство полета! Это Гнедая перемахнула широченный овраг. Такое с ним случалось только во сне, когда он летал над спящим городом, а мама утром объясняла: это значит — он растет!..

Но вот лошадь встала, как вкопанная, перед воротами, седок бултыхнулся вперед и, очутившись на земле, даже не успел испугаться. Кобыла позволила снять с себя уздечку, и он поплелся назад к табуну, около которого уже ждали смеющиеся ново жизненные пацаны. Но дядя Семан

цыкнул на них: «На ретивую лошадь не кнут, а вожжи». Повернулся к Витьку и сказал: «Ты зачем год как объезженную выбрал-то? Такую пацану рази взнудать?»

Витёк вспомнил, как в городе он увидел Свою Лошадку — деревянную, но совсем как настоящую: с гривой, хвостом, копытами, уздечкой, седелкой. Он все время думал о ней и даже разговаривал: «Но-но! Тпру-тпру!» И как-то, проснувшись, решил, что должен ее проведать: «Просто посмотреть». Сначала Витёк долго-долго шел по шоссе, потом повернул к шлагбауму, стоявшему перед железной дорогой, по которой то и дело со свистом мчались поезда. Потом повернул к двухэтажным домам, за которыми — напротив трамвайного кольца — увидел тот самый дом, в котором жила Его Лошадка.

Покупатели что-то спрашивали у продавца, рассчитывались, подходили-отходили, а Витёк все смотрел и смотрел на нее, стоявшую на верхней полке. Наконец, прошептав «До свидания, я еще к тебе приду», вышел на улицу и... сразу заблудился. Из больших ворот выходили дяди и тети, они заполнили всю улицу так, что малыш растерялся: он забыл, в какую сторону идти... Он бежал и плакал, пока не увидел, как какие-то дедушка и бабушка раскинули руки: «А вот ты нам и попался!» Витёк в ужасе развернулся и припустился назад и скоро увидел знакомый шлагбаум, шоссе, поворот к их улице!..

...Когда с работы пришла крестная Леля, Витёк лежал на полатах теплой печки. Переодеваясь, крестная что-то весело рассказывала бабушке про то, как у заводской проходной какой-то мальчик заблудился, но Витёк уже не слышал: он крепко спал...

ХОР ПРИЕХАЛ!

С сельскими Витёк подружился сразу — почти все были старше него и чуть ли не все близкие и дальние родственники: поселок из четырнадцати домов был, можно сказать, семейный. И очень дружный. Когда ватага — числом человек в двадцать и возрастом от шести до шестнадцати лет — шумно вваливалась в избу, где крутили кино, жители центральной усадьбы, подвигаясь, по-доброму ворчали: «Новая жизнь пришла!» Уже взрослым Витёк узнал, что его любимый поселок вскоре снесли, так и не успев или не пожелав провести в поселок свет. Старики использовали в своих избушках масляные фитильные лампы (жирники или каганцы), а воду приносили из колодца. Свой век они доживали кто у детей в городе, а кто в домах центральной усадьбы, куда их переселил колхоз.

...В Поселке настоящий переполох:

— Хор, хор приехал!..

— Ой, как поют!

— Ой, как танцуют!

Объявление на столбе гласило: вечером в селе Исаклы, что в четырнадцати километрах от Новой Жизни, выступит знаменитый Воронежский хор и правление колхоза выделило для поездки грузовик.

— Малышню не брать! Как с ними в открытом кузове?..

Вот это да!

Как так?!

У Витька сразу навернулись слезы, и заметивший это его двоюродный брат Ваня, которому уже — ого-го-го — 20 лет, сказал:

— Ладно, беру под свою ответственность.

И вот машина с послекрестным десантом пылит между спелых хлебов. Витёк расположился прямо за кабиной, он крепко держится за борт и думает, что похож на того мальчика из фильма «Сережа», который шептал: «Мы едем в Холмогоры!..»

Концерт проходил в поле, где сбили специальный помост и врыли в землю много-много скамеек. Артисты в нарядных костюмах пели и плясали без передыху, а зрители им горячо рукоплескали. Витёк тоже все ладошки отбил... Ему так понравилось представление, что он сразу решил: «Буду артистом!». А что, у него уже был один опыт выступления. Правда, неудачный.

...Братья Шилинские ходили неразлучно. Старший Вовка — дылда — был тихим и скромным, а младший Митька — ростом с ноготок — слыл оторвой. Но дядя Семан почему-то именно старшего назвал Шило, а младшего — бойкого, юркого и горластого — Кочедыком. Может, потому, что кочедык — тоже шило, только специальное: для плетения лаптей, в которых еще кое-кто ходил в Деревне.

Так вот, один раз Витёк оказался в компании с Митькой, распевавшим матерные частушки. Шедшие с дойки бабы остановили их и попросили Кочедыка все повторить для них, что тот охотно и сделал под хохот доярок. Спел да еще и сплясал. И вдруг Витёк сказал: «А я тоже так умею». Наступила тишина, которую затем он нарушил одной из самых забористых кочедыковских частушек...

Аплодисментов почему-то не последовало. Бабы сразу заторопились по делам, и только тетя Шура, обняв Витьку, шепнула ему на ушко: «Ты только в городе это не пой, и особенно мамке...»

ПАШКА

О Пашке Крупицыне местная шпана перешептывалась: «Его и этого малого не задевай — убьет!..» Малым был Витёк, приходившийся Пашке, всего на год его старше, двоюродным племянником. Витьку, можно сказать, не только советская власть, но и Пашка обеспечили счастливое детство — иначе ходить бы несдержанному на язык хлопчику в хулиганской Нахаловке с синяками и шишками. Честно говоря, драться Пашка особенно не любил, но если нарывались, то разбирался с обидчиками жестоко, если не сказать жестоко. Мускулы он накачал на ежедневной рубке дров для домашней печки и для бани, которую мамаша Надежда Григорьевна заставляла топить «каждую субботу». Росту Пашка был невеликого, потому и прозвище Крупа ему очень подходило, на лице с носом-лепешечкой выделялись глаза-пуговицы и вечная улыбка. Пашка любил послушать анекдоты и так заразительно смеялся, что Витёк специально копил их для встречи со своим верным защитником. За это, а также за звание школьного отличника и артиста Пашка ценил племяша и никому не давал в обиду. Да, Витёк, можно сказать, блистал на школьной сцене, и как-то Пашка спросил, а нельзя ли и ему поступить в этот самый драмкружок. Тот, с сомнением осмотрев отнюдь не сценарный вид родственника, пообещал поговорить с библиотекарем Петром Ивановичем, бывшим по совместительству руководителем школьной самодеятельности. Пашка быстро влился в коллектив, и вскоре они с Витьком уже вместе разыгрывали интермедию «Где это видано, где это слышано» Драгунского, где племяш играл Дениску Кораблева, а дядька — Мишку Слонова. С самого начала у них стало все здорово получаться, и вскоре нахаловская

парочка победила сначала на районном, потом на городском и, наконец, на областном смотре художественной самодеятельности.

И вдруг Крупа исчез — просто перестал ходить на репетиции, и все. А что? Он доказал всем, что может выступать на сцене не хуже других, и отправился покорять другую вершину, которой стала спортивная гимнастика. Тренер наотрез отказывался брать Пашку в секцию, говоря, что в тринадцать лет поздно начинать и ничего у него не получится. «Получится!» — горячо убеждал Пашка и доказал это, выполнив через два года норматив кандидата в мастера спорта.

И опять исчез!.. Такой уж Пашка был человек — начнет, освоит, заскучает и пойдет искать что-то новое. Вот он и ушел от гимнастов к цирковым. Дело в том, что в их городок Синегорск каждое лето приезжал цирк шапито. На базарной площади устанавливался шатер, и три месяца, а то и больше толпа ухахатывалась над репризами клоунов, восхищалась канатоходцами, с замиранием сердца следила за действиями дрессировщика, бесстрашно погонявшего длинным кнутом львов и тигров. Но вот синегорцев обрадовали известием о строительстве большого стационарного цирка со штатной труппой, куда и размечтался попасть Пашка. Именно что размечтался, потому что, несмотря на его фляки и сальто без лонжи, в штате Пашке было отказано. То ли по причине неказистой фигуры и простоватого лица, то ли ввиду отсутствия «волосатой руки»... После такой неудачи Крупа реально загрустил, забросил акробатику, начал прогуливать занятия в профтехучилище и, слоняясь по Нахаловке с сомнительными компаниями, стал ожидать призыва в армию.

Наверняка и армию Пашка рассматривал как очередной вызов судьбы, потому что вскоре тетя Надя, приходя к Марии Андреевне, матери Витька, принесла толстое письмо с газетной заметкой, в которой рассказывалось, как рядовой Павел Крупицын выиграл сначала чемпионат по классической борьбе полка, потом дивизии и, наконец, армии. На плохо отпечатанной фотографии все же угадывался улыбающийся Крупа с носом-лепешкой и глазами-пуговками. Когда потом Пашку спрашивали, как это у него получалось, ведь он никогда не занимался борьбой и не знал никаких приемов, он скромно отвечал: «А я брал на силу».

Из армии Пашка вместе с дружбаном-земелей завербовался на Сахалин — удить рыбу. Ну, не удить, а грузить, упаковывать, комплектовать, убирать, чего там еще... Работы Крупа никогда не боялся, особенно той, в которой надо было показать силу-силушку. Через год вместе с денежным переводом, которого бы хватило на «жигули», Пашка прислал телеграмму, мол, мама, не беспокойся, я еще годик здесь покантуюсь — хочу еще и на отдельную квартиру заработать. «Какой молодец!» — одобрительно кивали головами родственники, возвращая тете Наде уже замусоленную телеграмму. Через год Пашка подтвердил: «Ждите, выезжаю!», хотя денег не выслал. «С собой везет, — успокаивала себя тетя Надя. — Опять же подарки...» До дома Пашка добрался лишь месяца через три. Когда Витёк — теперь уже начинающий преподаватель вуза Виктор Васильевич Шубин — вместе с женой и четырехлетним шустрым первенцем Котей зашел в переднюю, то сразу почувствовал некое напряжение, витающее в воздухе. Тетя Надя и ее добровольные помощницы молча сновали между кухней и залом, в котором накрывался стол по случаю возвращения блудного сына...

Пашка кивнул: пойдём покурить...

— Понимаешь, Витёк, — Пашка сразу же стал объяснять причину

многომесечной задержки, — в Чите встретил такую девушку, что забыл обо всем на свете.

В общем, спустил Пашка в Забайкальском крае весь свой годичный заработок, привез в Синегорск цветастый платочек, огромного засушенного краба да во всю стену плакат, на котором прелестная японка сидела в мини-купальнике на пляже, смущая тетю Надю и великовозрастных родственников.

...Переполох в комнате заставил вернуться к столу дядьку и племяша, которые увидели, что от лакированного чудовища остались лишь осколки — это любознательный Котя так стал трясти этажерку, наверху которой красовался дальневосточный гость, что тот мгновенно спланировал вниз и грохнулся об пол рядом с заревевшим от испуга мальцом. Так количество пашкиных подарков сократилось до двух — до платочка маме и баннерной японки.

«НАЗНАЧАЮ ТЕБЯ НАЧАЛЬНИКОМ ШТАБА!..»

После сдачи госэкзамена по научному коммунизму и защиты диплома Витьку предстояли еще военные сборы в Тоцких лагерях, где в конце июля выпускники университета мужеского полу должны были стать лейтенантами. Ему с товарищем «повезло» стать квартирьерами, т.е. теми, кто и приезжает раньше, и уезжает позже, сначала оборудуя военный городок, а затем разбирая палатки, загружая и отправляя их и все прочее оборудование на грузовиках назад, на военную кафедру университета.

Но были и плюсы в раннем знакомстве с начальником сборов подполковником В.П. Ивановым, который, узнав, что курсант Шубин рисует, сразу же определил его на жительство в штаб, где в течение двух месяцев ему предстояло сваять военно-учебно-методических плакатов лет на десять вперед. Узнав также, что супруга-однокурсница Шубина, будучи на восьмом месяце беременности, успешно защитила диплом на тему «Человек перед лицом смерти в произведениях Л.Н. Толстого», Владимир Петрович пообещал взять его с собой в краткосрочный отпуск. «Когда родит, ясно?» — «Так точно, товарищ подполковник!»

...И вот она, долгожданная телеграмма: «Сын!», и поезд уже отступает километры по пути на родину... С подполковником и курсантом в вагоне оказались «партизаны»-запасники, размещавшиеся в казармах по соседству со штабом. Ранним хмурым утром все выгрузились на платформу вокзала. Майор-партизан и университетский подполковник сказали, чтобы обождали их. Мужики было взроптали, но офицеров уже и след простыл. Опытный взводный, закуривая, объяснил: «Похмеляться помчались. В ресторан. Они же всю ночь бухали...» Тут народ понимающе закивал головами и стал стрелять сигаретки у проходящих горожан. Не прошло и двух часов (за которые лексикон студента не то чтобы обогатился, но заметно актуализировался), как появились командиры: более молодой и потому еще стоявший на ногах майор сдал Витьку на руки уже неходячего начальника сборов, сунув ему заранее написанный на салфетке адрес и три рубля на такси.

...Через три дня Петрович, бодрый и побритый, в выглаженной форме встречал молодого отца у поезда Уфа — Оренбург. В купе, помимо них, располагался инвалид, которому курсант охотно уступил нижнюю полку, а сам забрался на вторую, где очень комфортно читать, дремля под

мерный перестук колес. Когда, в очередной раз проснувшись, он посмотрел вниз, то обнаружил своего шефа. За окнами проплывал уральский вечер, а затем уральская ночь, но Петровича не было. Появился он лишь под утро. Ну как появился... Был приведен официантом ресторана и уложен прямо в той самой некогда отутюженной форме на незастеленной полке. Только тогда Витёк облегченно вздохнул и забылся тревожным сном курсанта университета. А когда открыл глаза часов этак в одиннадцать, то прямо за стеклом увидел надпись «Тоцкое». Буквально скатившись вниз, он стал довольно жестко тормозить не озонирующего командира. Тот отбрыкивался, не желая просыпаться, и лишь костыль соседнего инвалида привел его в чувство. Вдвоем они поволокли почти безжизненное тело к выходу. На ступеньках какая-то тетка, разложив товар, тонко и противно призывала: «Раки, раки, раки!» — «Какие раки!» — это уже проводник, заинтересованный в том, чтобы поезд отправился вовремя, смахнул членистоногих ногами, пропихивая троицу к выходу.

В привокзальном палисадничке Витёк пристроил болезного на скамейке и, боясь патруля, решил позвонить в штаб сборов. «Товарищ подполковник, надо машину вызвать. Скажите пароль». — «Не скажу», — замотал тот головой. «А ну, скажи... пароль», — добавил Шубин голоса, хорошенько встряхнув командира. В общем, пароль был довольно скоро выбит, и затем в течение двух часов Витёк периодически выбегал на большак посмотреть, не пришел ли транспорт. Возвращаясь, в тревоге поглядывал на попутчика, который постепенно, кажется, приходил в себя, вопросительно и строго посматривая вокруг.

Наконец машина прибыла, о чем Иванову было сообщено с добавлением, что с шофером прибыл и заместитель Иванова — подполковник Ибрагимов. «Как Ибрагимов? Зачем Ибрагимов?..» — сразу как будто протрезвел Иванов (все знали, что они — «заклятые друзья»). Это потом выяснилось, что курсант, стоявший у телефона в штабе, с перепугу (приехал начальник сборов!) направил на вокзал бронетранспортер, остановленный обескураженными мирными жителями (не война ли?!). Тоцкого на въезде в их населенный пункт. Заместитель же, будучи осведомлен о слабостях своего временного начальника, решил его встретить сам: он распахнул дверцу кабины и театрально пригласил командира сесть рядом с шофером. Пробурчав что-то в ответ, Владимир Петрович с трудом забрался в кузов и, глядя в затылок сослуживцу, тихо стал шипеть ругательства. Когда Ибрагимов поворачивал голову, Иванов деланно улыбался ему, и это повторялось на протяжении всей дороги до военного городка...

Где-то часа через три в штабе раздался телефонный звонок, и голос Петровича возвестил: «Виктор, это ты?.. Назначаю тебя начальником штаба». — «Но ведь у нас начальник штаба — полковник Толстогузов...» — «Ничего не знаю. Я приказов не меняю...»

Увы, наутро никто не вспомнил о новом назначении, и курсант Шубин продолжил штамповать плакаты...

ПОЛОСАТЫЙ ВЫГОВОР

Шел очередной съезд партии, и поскольку все газеты в течение недели публиковали обязательные официальные материалы, приходившие по телетайпу, у журналистов образовался солидный тайм-аут. В редакции молодежной газеты было решено поработать впрок — подготовить что-нибудь интересное, читабельное, «вкусненькое». В областном центре в те

дни гастролировал дрессировщик тигров — один из династии Запашных. Заведующий отделом пропаганды, энергичный выпускник ВКШ, зазвал знаменитость в гости к комсомольским журналистам. Со всего Дома печати сбежались любопытные поглазеть на цирковую звезду, тем более что он пришел не один, а с яркой красавицей-женой, облаченной в не менее яркую шубу из натурального меха, а главное, еще и с огромным тигром на поводке.

Зверь важно прошествовал по коридору, остановился почему-то у секретариата и под гробовое молчание пустил долгую струю... Затем толпа двинулась по направлению к кабинету редактора. Запашный, как всегда, был остроумен, рассказывая о своей семье, о сложностях и тонкостях работы с хищниками, о новой программе. Все были восхищены и напоследок захотели сфотографироваться на память. Тигра усадили в редакторское кресло, остальные расположились вокруг.

...Уже через полчаса после ухода цирковой делегации в редакции начался переполох. Кто-то из заклятых друзей, представлявших партийные газеты, успел позвонить в обком: мол, в то время, когда вся страна, затаив дыхание, слушает отчетный доклад генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, эти якобы комсомольцы... Особенно партийное руководство возмутил факт натурального подсиживания тигром действующего редактора.

В общем, энергичный выпускник ВКШ схлопотал выговор, отсутствовавшего редактор поставили на вид, а журналисты молодежи еще долгие месяцы показывали гостям внушительных размеров пятно, оставленное полосатым красавцем на ковре у двери секретариата...

ПАВЛОВКА

...Узнав, что на Павловке режиссеры Краснопольский и Усков снимают фильм «Отец и сын» по одноименному роману Г. Маркова, Витёк с коллегой оформили командировку на себя и на начинающего фотокора Игорька. Когда прибыли на место, отправились к директору турбазы, и он, выделяя им небольшой домик, в конце смущенно сообщил, что у них закрытие смены и что, может быть, областные корреспонденты не побрезгают угощением на банкете... Корреспонденты, естественно, не побрезговали, но посидели недолго — все-таки у людей своя компания, к тому же у них с собой было...

Легли поздно: ведь где, как не среди южноуральских красот, поговорить о судьбах отечественной журналистики, но поутру их разбудил стук в дверь и какой-то истошный крик: «Я его и не бил... Он это сам... Только в газету не пишите...» Вскоре выяснилось, что закрытие смены отмечалось бурно, и паромщик уснул, как говорится, при исполнении — водное средство, отвязавшись, уплыло на середину водохранилища. Директор, увидев это, ранним утром подплыл к парому на лодке и пытался веслом разбудить подчиненного — так, что тот, окровавленный, стал оглашать таежные просторы криком, что, мол, директор не имеет права рукоприкладствовать и что он приехавшим корреспондентам все расскажет... За завтраком инцидент был, как говорится, «исперчен», а журналистская тройца пошла искать съемочную группу.

...В этот день снимался всего один эпизод: коммунара убивают из обрез кулаки (кровь брызжет из головы и груди героя, и он замертво падает). Снимали с утра до вечера на живописнейшей опушке. В переры-

ве успели поговорить и с режиссером Краснопольским, и с начинающей актрисой Надеждой Бутырцевой, и с Вадимом Спиридоновым, игравшим того самого коммунара. Очень хорошие интервью получились, газетчики даже успели подружиться со знаменитым актером, который на вопрос: «А как получается, что кровь так натурально брызжет?» спокойно ответил: «А, это презервативы. В них наливается краска, потом их закрепляют у меня в волосах и на груди, подключают проводки, которые ведут к замаскированному в кустах пиротехнику... Он соединяет клеммы аккумулятора, и — бздынь — презервативы рвутся...» Завершая экспресс-интервью, знаменитый Федька из «Вечного зова» добавил: «Кстати, пиротехник у нас в группе — самый уважаемый и востребованный товарищ», чем несколько смутил юных корреспондентов.

ПОГРАНИЧНЫЙ ИНЦИДЕНТ

В середине восьмидесятых годов Виктору Васильевичу посчастливилось в составе первой после возобновления отношений между СССР и КНР группы преподавателей русского языка и литературы поработать в Пекинском институте иностранных языков. В июле, через год, когда контракт закончился, группа отправилась домой поездом. Почти недельное путешествие началось с забавного (по крайней мере, для наблюдателей) случая на границе.

В одном из купе расположилась молодая семейная пара западных немцев и вьетнамец-журналист. Перед Забайкальском поезд остановился на китайском пограничном пункте, и в вагон с проверкой зашли пограничники. Особенно тщательно они стали досматривать вещи и документы вьетнамского коллеги (в скобках заметим, что в ту пору ДРВ и КНР находились в состоянии войны). Его куда-то повели чуть ли не под конвоем и обратно доставили нескоро, даже задержав поезд. Вагон с сочувствием встретил взволнованного, совершенно расстроенного соседа, и поезд тронулся.

Вскоре прибыли в Забайкальск, и уже настал черед советских пограничников. Достаточно формально отнесясь к соотечественникам и к вьетнамцу, они буквально перерыли весь багаж немцев, дотошно рассматривали документы, ведя, можно сказать, перекрестный допрос... В это время вьетнамец, совершенно удовлетворенный, если не сказать счастливый, стоял в коридоре, победно поглядывая по сторонам.

В таком состоянии журналист и пребывал до самой Москвы. Часами наблюдая проносящиеся мимо пейзажи, он все время приговаривал: «Очень большая страна, очень большая страна...»

ЕЩЕ НЕ ВСЁ...

В той же командировке Шубину выпала редкая по тем временам удача посмотреть почти все матчи чемпионата мира по футболу, которые китайское телевидение транслировало или в записи, или в прямом эфире. Накануне матча СССР — Венгрия Виктора Васильевича и коллег — словака и венгра — пригласили в одну компанию посмотреть вместе эту игру. Надо сказать, что венгр довольно недружелюбно относился к советским преподавателям, как будто это именно они вводили в Будапешт танки в том далеком 1956 году... И когда хозяин (кажется, это был американец) перед самой трансляцией подначил его: «Ну, сейчас русские зададут

вашим!», он довольно резко отреагировал: «Русские никогда не умели играть в футбол!» В ответ Шубин лишь хмыкнул.

Игра началась, и болельщики со стажем помнят, как быстро рос счет в пользу наших: 1:0, 2:0, 3:0, 4:0... Когда был забит пятый гол, словак Владислав посмотрел на советского преподавателя, сохранявшего невозмутимое спокойствие и, видимо, что-то заподозрив, воскликнул: «Еще не всё?!» — «Еще не всё...» — холодно ответил Шубин. Дело в том, что матч шел в записи, и он уже с самого утра (к счастью или к несчастью?) знал, что сборная СССР выиграла 6:0!

НАШИХ БЬЮТЬ!

С коллегой из провинциального вуза Виктор Васильевич особенно подружился, когда тот узнал, что ВэВэ заядлый болельщик, тем более — «спартаковец». Они вспоминали с ним разные матчи, любимых футболистов, а затем разговор перешел на случаи из жизни.

Прежде чем рассказать один из самых забавных, следует вам поведать, что судьба Ивана Эдуардовича — назовем его так — сложилась нелегко. Его отца, тогда еще молодого парня, в начале тридцатых отправили в лагеря. Каким-то образом он сумел оттуда сбежать. Будучи русаком до седьмого колена, отец, тем не менее, в совершенстве знал польский язык, потому сумел выдать себя за поляка, взяв имя Эдуард. Обзавелся семьей и мирно трудился в одном из украинских колхозов. Когда пришли фашисты, ушел в партизаны, но периодически проводывал свое многочисленное семейство. В один из приходов, к несчастью, был убит...

Так вот, Иван Эдуардович, уже сам отец семейства, смотрел как-то вместе с матерью-старушкой хоккейный матч СССР — Польша, в котором наши сенсационно (кажется, в первый и последний раз) проигрывали. Иван Эдуардович страшно переживал, и тогда матушка, видимо, желая его утешить, сказала: «Ванюша, а твои-то наших бьют!..»

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ГРУЗИНЫ

Когда Витёк учился в аспирантуре, то хотя бы раз в год приезжал в Москву позаниматься в знаменитой Ленинке — главной библиотеке страны. Поселялся чаще всего в общежитии у друзей, но приходилось жить и в гостиницах. Интересно, что почти каждый раз там его соседями оказывались грузины.

Нодар Габуня, заместитель научно-исследовательского института чаесборочных машин, появился в номере глубокой ночью с бочонком вина и ящичком чачи. Сразу они не успели познакомиться — прежде всего, по причине абсолютно нетрезвого состояния ночного гостя.

Вечером же, придя из библиотеки, Витёк застал Нодара за починкой брук. Он церемонно представился, а затем, откомментировав свое занятие: «Если брукки рвутся, надо или жениться, или разводиться», стал названивать своим многочисленным московским барышнями, говоря что-то вроде «Ларису Ивановну хочу!»...

Чуть позже аспиранта навестили земляки. Нодар, покосившись на их нехитрую закуску, резко приказал: «Вит-тя, убэри это!» Вскоре стол буквально ломился от яств: мясо, лаваш, фрукты, зелень, ну и, естественно, тот самый бочонок с вином. Описывать дальнейшее вряд ли стоит — кто знаком с грузинскими обычаями, тот рассказчика поймет...

Наутро Витёк решил труднейшую логическую задачу: неужели это «очень легкое» кислое вино так способно отшибать память? А абсолютно бодрый энергичный Нодар хлопотал по хозяйству, и начинающий ученый с ужасом увидел, что стол стал еще краше вчерашнего, а спиртной ассортимент даже расширился — за счет чачи.

— Ко мне друг важный сэчас придет. А ти вставай, готовся. Очень ти слабый человек, Вит-тя...

Всю неделю Нодара посещали важные гости. Шубина спасала лишь Ленинка. Затем специалист по чаесборочным машинам на недельку укатил в Венгрию, оставив в номере свои документы и бутылку чачи с наказом жить полнокровно, а не губить свои молодые годы в книгохранилищах.

Когда после заграникомандировки Нодар зашел за паспортом и увидел в шкафу так и недопитую бутылку чачи, он с непередаваемым сожалением посмотрел на Шубина и прибавил: «Какой ти слабый человек, Вит-тя!..»

...Гиви же оказался полной противоположностью Нодару. Тихий лауреат государственной премии, слыша, как за стенкой бушуют его земляки, все время повторял: «Вот из-за таких, как они, вы думаете, что все грузины богачи. Ну, нет у меня плантации — я обычный математик, живущий на одну зарплату. А с меня портье пыталась за кем-то сломанную ручку — вон там, в ванной, — деньги содрать!..»

...И ВЬЕТНАМЦЫ

Товарищ Витька — аспирант социологии, уезжал на две недели в командировку и любезно предложил пожить в его комнате. Только попросил: «Мой сосед — вьетнамец. Звать его Биен. Он тоже пишет диссертацию. На русском. Может быть, ты ему поможешь с правкой?» Конечно, бездомный аспирант согласился. Днями он занимался все в той же Ленинской библиотеке, а вечерами пытался в толпе студентов и аспирантов незаметно пробраться в комнату земляка. Но каждый раз Витька на входе задерживали — потом ему объяснили, что вахтерами в общежитие Академии общественных наук по традиции работают бдительные ветераны контрольно-пропускной службы Комитета государственной безопасности. И каждый раз приятели приходили ему на выручку, используя только им ведомые методы переговоров с предъявлением и возвратом шубинских документов.

Биен оказался председателем вьетнамского землячества, и поток ходок к нему был, кажется, нескончаем. Он проводил партийные собрания, разбирал всевозможные конфликты, а последних было немало. Например, один студент 3 курса настолько подружился с советскими братьями, что напрочь забросил академические занятия, полностью отдавшись науке бражничанья и русского мата (надо сказать, матерился он просто виртуозно и без акцента)... Другая вьетнамская студентка сошлась с советским парнем и затем честно призналась соотечественникам, которые этот факт осудили и направили делегацию в комнату Дон Ивана выразить тому общественное презрение. Один случай был просто трогательным: целую неделю в общей кухне висело такое объявление: «Товарищи! Кто украл вареную курицу, верните, пожалуйста, в комнату №...»

Настал день, когда Витёк усадил Биена за его диссертацию, и на каждый его вопрос («Ты имел в виду это или то?») тот отвечал вежливо утвердительно. Так что за освещение развития пролетарского движения в

провинциях Вьетнама в 30-х годах XX века В.В. Шубин также несет часть ответственности.

Как-то он с друзьями решил посидеть вечерком, пригласили и Биена, который обещался попотчевать их блюдами вьетнамской кухни. После того как разлили по первой, Биен заставил всех подняться и торжественно произнес: «Предлагаю тост за XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза!» Лица сотрапезников стали удивленно-серьезными: они не думали, что скромное аспирантское застолье приобретет столь серьезный статус. Это была первая и пока последняя политическая вечеринка в жизни Шубина.

ЧИТАТЕЛЬ ОБИЖАЕТСЯ

...В редакционном портфеле скопились интересные жанровые фотографии, и Шубину пришла в голову идея печатать их в сопровождении стихов — своеобразных «текстовок». Один снимок изображал музыкантов, среди которых выделялся забавный сосредоточенный трубач. Шубин спросил своего друга, не вдохновляет ли его эта сценка?.. «Вдохновляет», — просто ответил Вадик и через денек-другой принес свою поэтическую зарисовку, которую они затем озаглавили «Заводской оркестрик»:

Нос уткнувши в нотный реестрик,
Ничего не видя вокруг,
Заводской, затрапезный оркестрик
Из себя выпускает дух.

Каждый очень сосредоточен.
Вдохновения нет как нет.
Дуют в дудки свои что есть мочи,
Оглушая весь белый свет.

Только что это? Что за трюки
Вытворяет музколлектив?
Чем я дальше, тем чище звуки,
Тем пронзительнее мотив!..

Заполняя воздух осенний
И расшвыривая воронье,
Марш старинный печальной России
Разрывает сердце мое.

Буквально в день выхода газеты раздался телефонный звонок: возмущенный читатель, узнав себя на снимке, требовал опровержения, поскольку он — профессионал — никогда в заводском оркестре не играл, и вообще — редакция нанесла урон его репутации. Кое-как Шубину удалось его успокоить, приговаривая что-то об особенностях художественной фотографии, о жанре фотозюда, о поэтической фантазии...

Еще смешнее вышло с рассказом одного журналиста, в котором тот поведал о чиновнике, буянившем всю ночь в купе поезда Воронеж—Москва. Один большой по местным масштабам начальник почему-то узнал в антигерое себя (хотя Виктор Васильевич основательно прошелся по новелле редакторской рукой, не держа в памяти ни одного подобного реального случая) и также жаждал сатисфакции. Заведующая отделом рекламы в течение месяца нудила: «Опубликуй опровержение, ведь он — наш основной рекламодатель», на что Шубин огрызнулся: «Не хочу войти в историю в качестве редактора, напечатавшего опровержение на опубликованный юмористический рассказ»...

«И СОЕДИНИЛИСЬ БЕРЕГА!»

Так назывался репортаж об открытии нового моста через Уфа-реку, опубликованный в «Вечерке». Поскольку газета подписывалась в печать уже в полдень, приятель Шубина вместе с фотокором накануне побывали на месте, когда на мосту проходили последние испытания.

Снимок получился хоть куда — на всю ширину газетной полосы, репортаж также вышел динамичным и оптимистичным. Буквально перед тем, как начали печатать тираж, в редакцию кто-то позвонил и сообщил, что мост рухнул. В отделе новостей отмахнулись от звонка, ведь шутников и в те времена хватало. Но после того как «Вечерняя Уфа» разошлась по киоскам и подписчикам, пришло официальное подтверждение: бык пал!.. Испуганный редактор тут же вызвал на ковер горе-автора и гневно спросил, почему тот заранее не поинтересовался, все ли в порядке с мостом? На что совершенно обалдевший репортер ответил: «Если бы я задал строителям такой вопрос утром, то уже после обеда наверняка сидел бы в тюрьме как первый подозреваемый...» Но логика не подействовала на редактора, тут же лишившего шубинского приятеля законного гоноара.

История получила продолжение через несколько дней. Виктор Васильевич ехал с шестилетним сынишкой в электричке. В пригородных поездах нередко залеживаются газеты недельной давности — так, видимо, получилось и с этим злополучным номером. Какой-то пассажир скучного вида, угрюмо читавший «Вечерку», вдруг резко отбросил ее в сторону и, почему-то глядя прямо на Шубина, прорычал:

— Ну врут же! Ох и врут! «И соединились берега!»... Как же! Я только что проезжал мимо этого моста, ничего там не сделано — его еще минимум года два будут восстанавливать. Трепачи!

Сынишка решил поддержать разговор:

— А мой папа в «Вечерней Уфе» работает, — гордо заявил он и посмотрел на отца, ожидая одобрения...

ПЕРВАЯ ФОТОСЪЕМКА

Вове Хомину повезло — его, совсем молодого паренька, приняли в штат областной партийной газеты фотокором. И одним из первых заданий оказалась съемка ветеранов войны, которых пригласил на прием самый что ни на есть Первый секретарь.

Все было торжественно, чинно: речи, подарки, цветы. А потом гостей пригласили в просторный зал, где по традиции их запечатлевали на память (завтра все газеты должны открыться их огромным коллективным фото). Ветераны, облаченные в парадные мундиры, увешенные орденами или колодками, привычно строились, составляя некую композицию. Им помогали опытные фотокорреспонденты, также из года в год участвовавшие в этой процедуре.

Вова Хомин (для своих — Хома), несмотря на свой уже тогда внушительный вес, был очень энергичным человеком и, что называется, без комплексов. Он довольно бесцеремонно обходился с полковниками и генералами, заставляя их меняться местами, поправляя что-то в их одежде, покрикивая. Старички принимали все это достаточно спокойно, понимая — человек работает!

Но вот группа готова, все застыли в ожидании «птички»... Тут-то

Хома и заметил непорядок: в стройные ряды бывших фронтовиков почему-то затесался товарищ в штатском...

— Эй, музык (у Вовы были нелады с дикцией) без орденов, отойди-ка в сторону, не видишь, сто ли, — снимаем?..

«Музык» покорно вышел, ряды сомкнулись, съемка началась. Но Вова сразу почувал что-то неладное: какая-то странная тишина повисла в зале сразу после его реплики. Уже через минуту он узнал, кого так бесцеремонно выставил — «самого товарища Шарипова!»

...Три дня Хома не появлялся в редакции, но все обошлось: видимо, Первый, знавший всех фотокорреспондентов в лицо, понял, что перед ним был новичок — молодой, хотя и из ранних...

С годами Вова не утратил ни энергии, ни здорового нахальства. Обычно он почти ногой распахивал двери кабинетов первых секретарей райкомов, разваливался в кресле и требовал: «Натяльник, масыну давай! Ласполяzenie товaлия Салипова!», что означало: «Начальник, машину давай! Распоряжение товарища Шарипова!..»

А что, ведь они были старыми знакомыми.

О ПОЛЬЗЕ ЧЕРНОЙ ТУШИ

Толя прослужил художником в областной партийной газете, наверное, всю свою профессиональную жизнь. Работа была непыльная: ретушировать фотографии в номер, изменить цифры в карте намолота зерновых, иногда обновить рубрику, сделать рисунок к очерку и отнести иллюстрации в цинкографию для изготовления клише. Таким образом, будучи человеком не только относительно свободным, но и веселым, Толя позволял себе расслабиться — бывало, что и на рабочем месте.

Как-то утром страждущие журналисты заглянули в его кабинет — Толя старательно ретушировал снимки, используя белую гуашь и черную тушь. Он охотно отвлекся от работы, налил в стакан живительной влаги и уже решил принять на грудь, как дверь открылась — это редактор решил после планерки пройтись по отделам... «Как дела, Анатолий?» — спросил Николай Иванович. «Да вот, фотографии ретуширую», — бодро ответил художник и, окунув кисть в стакан, стал энергично ее в нем помешивать. «Ну-ну, продолжайте», — сказал редактор и продолжил проверку. Замешательство продолжалось всего несколько секунд: «Так ведь тушь-то на спирту!» — воскликнул Толя и, не моргнув глазом, махнул «дежурные 150». В это момент он был похож на Архимеда, вскричавшего в свое время «Эврика!» — правда, совсем по другому поводу...

«ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ»

Во времена партийной прессы находилось немало добровольно бдящих помощников секторов печати. Именно они, эти внимательные читатели, телезрители, радиослушатели, сигналили «куда надо», если журналисты «нарушали линию». Как редактора информационно-рекламного приложения Шубина, правда, не вызывали «на ковер», но несколько крайних ситуаций — впрочем, не имевших каких-то последствий, оргвыводов, — он помнит до сих пор.

Под рубрикой «О том, о сем» был опубликован полезный совет художникам, чертежникам: если, мол, вы слишком зачернили карандашный

рисунком, то мыкишем хлеба можно излишнюю черноту снять. В горьком партии поступило гневное письмо, автор которого возмущался: в то время как вся страна борется за урожай, вы даете такие антигосударственные советы...

В юмористической колонке он поместил анекдот про сообразительно-го габровского паренька, который в кондитерском магазине предпочел шоколадного мальчика шоколадной девочке (цена у таких своеобразных конфеток была одна, но...). Телефон трезвонил всю неделю: одни восхищались смелостью редактора (сегодняшним молодым это, конечно, трудно понять), другие грозились пригвоздить за пошлость...

Подборка брачных объявлений появилась в «Уфимской неделе» одной из первых в стране. Но поначалу тиражирование газеты было приостановлено по требованию начальницы отдела рекламы издательства, и она с сигнальным экземпляром помчалась в обком. Выслушав ревнительницу нравственности, в обкоме поинтересовались, где еще печатаются подобные объявления? Та саркастически ответила: «В Прибалтике!» — «А что мы — хуже прибалтов, что ли?» — неожиданно заявил поборник суверенных прав и дал отмашку «Добро!».

НАСЛЕДНИК ГИППОКРАТА

С Борисом Аркадьевичем Витёк сидел в одном кабинете редакции городской газеты. Этому плотному мужчине ничто человеческое не было чуждо: поэт и матерщинник одновременно, он оживлялся при виде женщин и хорошей еды.

Начало жизни Б.А. было бурным — ему даже пришлось на несколько лет уехать куда-то на Север, пока в родном городе не были забыты преступления его туманной юности. «Северную главу» своей жизни Борис Аркадьевич окутывал флером загадочности и романтизма: иногда забывая прошлые версии, он представал в своих рассказах то заместителем редактора краевой газеты, то председателем телерадиокомпании всей Чукотки. То же относилось и к его родословной: чаще всего он настаивал на отце-генерале...

Между тем Борис Аркадьевич был настоящим профессионалом: будучи спортивным репортером, он не гнушался и очеркистики. Его творческая натура жаждала впечатлений, неожиданных встреч, но всего этого в провинциальном городе, увы, не доставало... Тогда, видимо, и произошло в душе Б.А. слияние фантазий и реалий, которые, чудесным образом перемешиваясь, делали его жизнь чуть-чуть цветнее.

...Шубин торопился по какому-то редакционному заданию и пытался поймать такси. Они, как всегда, ехали «в парк», и перед ним затормозил частник. Уже забираясь на заднее сиденье, Витёк увидел, как из машины вышел Б.А., освободивший переднее сиденье, — они даже не успели перекинуться двумя словами. Несколько минут шофер ехал в задумчивости, вздыхал и сокрушенно цыкал.

— Что-то случилось? — спросил Шубин водителя.

— Какой человек, какой человек! — несколько раз повторил тот и восхищенно покрутил головой.

— Это вы про кого? — уже было понятно, что Борис Аркадьевич только что разыграл сцену.

— Да вот пассажир со мной ехал — заслуженный онколог Советского Союза! Когда еще был пацаном, у него на руках умерла бабушка от рака,

и тогда он поклялся стать медиком, чтобы победить эту заразу... И ведь победил: на сто операций у него девяносто успешных! Какой человек!..

Осталось только согласиться — не разрушать же веру человека в доброе-вечное...

ОХ УЖ ЭТОТ КЛЕЙКИН!

Когда Шубин смотрел мультфильм о непоседливом школьнике Бармалейкине, непременно вспоминал коллегу Клейкина, с которым пришлось ему работать в молодежной газете. Это был высокий, симпатичный парень с вечно плутоватым выражением лица. Приехал он, кажется, из Москвы и сразу же проявил себя как бойкий репортер. Шубин работал замом ответственного секретаря и, в принципе, был доволен работой Клейкина: новости, материалы в номер он сдавал вовремя, особых претензий к содержанию его публикаций не было. Их отношения были ровными, деловыми.

И вот пришлось Витьку выехать в командировку в Белорецк — готовить статью ко Дню металлургов. Побывал на местном комбинате, в училище металлургов, поговорил с нужными людьми — можно было отправляться домой. И вдруг сообщили, что через день прибывает группа студентов во главе с младшим сыном Блюхера, совершающая рейд по местам боевой славы героического комдива. Как было не задержаться, но... командировочные были уже на исходе. И он обратился к секретарю райкома с просьбой ссудить его небольшой суммой, пока из редакции не придут деньги, высланные телеграфом. Молодая женщина как-то сразу замялась, и ему стало вдвойне неловко. Заметив это, та объяснила: «Тут месяца три назад был ваш Клейкин, тоже занял денег, но до сих пор не прислал их...» По приезде коллеге был сделан выговор, но он достаточно беспечно отреагировал на это, намекнув на особые отношения с миловидным секретарем райкома.

Второй раз фразу, начинавшуюся со слов «тут был ваш Клейкин», Шубину пришлось услышать в кабинете секретаря парткома Ишимбайской трикотажной фабрики, которая поначалу вообще не хотела его пропускать на территорию предприятия. Более того, она вызвала комсорга и стала метать громы и молнии: «Книг из подписных изданий набрал, деньги в кассу не вернул и вон что наделал!..» На этих словах она перстом указала на интересное положение «комсомольской богини», понуро стоявшей у двери...

Наконец, третий случай, всплывающий в шубинской памяти, был связан с выпуском праздничного номера, который молодежная редакция готовила в течение месяца: впервые перешли на таблоидный формат, увеличили вдвое объем газеты, поместили несколько «гвоздевых» публикаций. Поутру все ждали поздравлений: номер действительно вышел хоть куда, да и оформлен был по-особому, с применением дополнительного цвета. Одним из ударных материалов был репортаж Клейкина о том, как в шахте устраняли аварию. Поскольку репортер сам спускался в шахту, материал получился динамичным, с интригой, многими красноречивыми деталями. В редакцию действительно позвонили. Это были разъяренные шахтеры, которые ругали журналистов на чем свет стоит. Все было придумано и перепутано. Вызванный на ковер Клейкин объяснил, что это был чистый вымысел, что в шахту он никогда не спускался, но ему об этом расказывал сосед по комнате в общежитии... Кажется, это был последний газетный опус Клейкина, не лишнего литературного дара...

В замечательной курилке знаменитой «Ленинки» Шубин встретил свою однокурсницу, которая, как и он, готовилась к защите диссертации. Вспомнили студенческие годы, общих знакомых, а напоследок Алина спросила, не хотел бы Витёк сходить в какой-нибудь из московских театров? Она бы еще спрашивала! Конечно, хочет! А надо сказать, что в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века попасть в хороший столичный театр было не так просто. Они договорились, что Шубин позвонит вечером — к тому времени все устроится с билетами. Телефонный разговор был краток: «Жди на станции Маяковского, у первого вагона. К тебе подойдут...»

...До условленного времени оставалось еще минут пятнадцать. Витёк сидел в ожидании на лавочке. Рядом примостился какой-то мужчина, который через некоторое время ушел, почему-то оставив портфель. Через минуту подсел другой товарищ, взял этот портфель и не спеша удалился... Шубин с подозрением и опаской оглядел лавочку, почувствовав себя героем «Мертвого сезона» накануне провала, и тут же покинул ее. «Это вы однокурсник Алины?» — прозвучало почти как пароль. Отзыв был простым — «Да...» Девушка передала два билета с оторванными контролями и начала инструктаж: «На входе две старушки. Нам велено подойти к той, которая пострашней, показать ей билеты, зажав ту часть, где были контрольные корешки, и тихо сказать: «Мы от Марь Ивановны».

...У входа дежурили дружинники с красными повязками. Они то и дело выводили «зайцев». Тревога нарастала... Шубин стал приглядываться к билетерам. Обе ему показались страшными, но, видимо, внутреннее чутье Витюню не обмануло, когда он обратился к той, что стояла у левой двери. Увы, она оказалась еще и глуховата, и на недовольный вопросительный возглас ему пришлось почти в ухо процедить ей отчетливым шепотом: «Мы от Марь Ивановны». Старушка отпрянула, но пропустила их обоих. До раздевалки он шел на полусогнутых, думая: «Вот сейчас-то блустители порядка нас и сцапают, и с позором выведут на улицу». Обошлось...

Согласно инструкции пара должна была сразу же после первого звонка подойти к бельэтажу, найти дежурную Наталью Степановну, сказать ей, что они от Веры Сергеевны (той самой, более страшенькой) и передать ей деньги за билеты (кстати, по номиналу). Переведя дух в буфете, провинциальные театралы двинулись на поиск Натальи Степановны, которая сразу же все поняла и, глядя куда-то вдаль, отвела правую руку немного за спину, сделав ладонь лодочкой. Туда-то Шубин и переправил смятые рубли из своей запотевшей длани. Наталья Степановна по-хозяйски радушно раскрыла дверь и указала на свободные ряды. Но тревога не отпускала: ведь они заняли чужие места... Ха, система действовала безотказно: почти сразу же после третьего звонка Наталья Степановна перекрыла вход, и все опоздавшие остались с носом, то есть в фойе... После первого акта их места сразу же были заняты, и парочка в тоске поплелась к Наталье Степановне, которую нашли у гардероба. Она мило беседовала с супружеской четой, спрашивая, почему те не остаются смотреть спектакль дальше... Вскоре провинциальные театралы, получив их билеты, совершенно счастливые поспешили занять «законные» места.

...В тот момент, когда Хлестаков-Миронов (а речь идет о знаменитом спектакле театра Сатиры «Ревизор» с блистательными Мионовым, Папановым, Васильевыми, Мишулиным, Ширвиндтом и Державиным) сделал ладонь лодочкой для получения очередной взятки, Шубин со своей новой знакомой чуть не выпали из кресел. Смех был до неприличия громким и продолжительным. На них с удивлением стали оборачиваться зрители, полагая, что увидели девственно чистых любителей театра, никогда не читавших знаменитой гоголевской пьесы...

НАГРАДЫ НЕ НАШЛИ ГЕРОЕВ

Как-то Шубин смотрел телерепортаж, и журналист, представляя очередного первого секретаря обкома партии (тогда, по сути, хозяина области) и показывая его неразрывную связь с простым народом, особо подчеркнул, что тот в детстве работал пастухом. «Ты знаешь, Вадик, — сказал тогда Витёк коллеге, — а ведь я тоже несколько сезонов пас коров и овец, приезжая к дедушке с бабушкой на лето». После этого коллеги стали пересчитывать «колхозные страницы» своих трудовых биографий, получив в результате весьма солидные «собрания сочинений». Например, в шубинское вошли пять студенческих — по месяцу, а то и больше — выездов «на картошку», одна аспирантская декада «на капусте», более десяти колхозно-совхозных экспедиций в качестве молодого преподавателя вуза (журналистские краткосрочные командировки на село — не в счет).

Забылись названия деревенок, но не забылась та тревога, с которой он укладывался спать. Дело в том, что, будучи сначала студентом, а затем преподавателем филологического факультета, Виктор Васильевич Шубин порой оказывался единственным представителем сильного пола, которому приходилось почти ежевечерне-еженощно вести переговоры с местными молодцами, обладающими сокрушительно мощным либидо и не менее мощными мускулами. Методы и приемы, которые применял городской очкарик, были разными — от взывания к трудовой совести («Им ведь вставать рано на работу») до совместной дегустации местных напитков типа «шмурдяк»...

Забавных моментов была тьма-тьмушая, но остановимся лишь на одном. В далеком 1976 году стажер-исследователь (была такая форма подготовки к поступлению в аспирантуру) В. Шубин, прикрепленный к кафедре теории и практики журналистики университета, был поселен в аспирантский отсек общежития. Еще не успев толком познакомиться, начинающие ученые получили телефонограмму, в которой ректорат благословлял их на поездку в Кантемировский район. Прибыв на место назначения, довольно многочисленная группа «лириков» и «физиков» была поселена в фойе местного Дома культуры (спальные места располагались между бильярдными столами). Парторг, видимо, специально готовившийся к встрече с университетской бригадой, нажимая на «г» фрикативное, так сформулировал задачу: «Вашей бригаде предстоит убрать с поля двулетнее растение, сельскохозяйственную культуру семейства крестоцветных. По-латински это *Brássica olerácea*, а по-русски — капуста огородная». Тут же, обратив внимание на гитару в руках у аспиранта матфака Сергея Коркошко, спросил: «А може, вы и концерт организуете в порядке общественной нагрузки?» И Шубину, всю доро-

гу велосипеду компанию анекдотами, тут же было поручено составить и реализовать танцевально-песенную программу, что он сотоварищи и сделал, подготовив даже две полноценные — на полтора часа — программы. Пригодился студенческий кавээнковский опыт, свои таланты проявили и друзья, приехавшие из разных городов Союза. Мало того — помимо двух представлений на сцене Дома культуры, их агитбригада несколько раз выступила «в поле» с краткими концертными версиями для бригад свиначок. А еще выпустили фотостенгазету «Сельская жизнь». Ее-то через много-много лет и достала из архива руководитель управления докторантуры и аспирантуры, дополнив неожиданный подарок забавной концовкой той сельской эпопеи. Оказывается, парторг, восхищенный выступлениями университетской молодежи, а также тем, что она, выступая «без отрыва от производства», регулярно выполняла план, прислал в ректорат письмо с предложением наградить артистов Шубина В. и Коркошко С., аккомпаниатора Сатаеву Л. орденами «Знак почета». Ректор, повертев бумагу в руках, задумчиво протянул: «За десять дней медаль “За отвагу” — еще куда ни шло, но чтобы “Знак почета”... Это уж перебор».

Так наша троица и не вошла в число 1 581 000 тех, кому с 1935 г. по 1991 г. была вручена эта государственная награда, учрежденная ЦИК СССР. Как говорится, награда не нашла героев, а узнали они об этом почти сорок лет спустя...

КОМАНДИРОВКА С КАРБУНКУЛОМ

Заместитель редактора зашел в секретариат и сходу спросил:

— Тебе не надоело макетами заниматься? Не желаешь проветриться?

— Желаю! — сразу же откликнулся Витёк, сообразив, что речь пойдет о командировке. — А куда?

— В Новый Уренгой.

— Ого! Это к нашей бригаде?

— Да, к ней.

Шубин помнил, что примерно год назад на первой полосе был размещен репортаж об отбытии башкирских строителей в составе Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ на Ямал, туда, где всего несколько лет назад был забит символический колышек с табличкой «Ягельное» — так поначалу звали поселок, из которого и вырос город Новый Уренгой.

Командировку оформили быстро, и уже на следующий день журналист шагнул по осенней Тюмени, направляясь в обком комсомола, где его ждало сообщение, что вместо ожидаемого десятка представителей областей прибыли всего двое — из Уфы и из Тамбова. «Комсомольская богиня» оказалась милой и разговорчивой девушкой Татьяной, с которой они и отправились в местный аэропорт на добычу билета до места назначения. Что оказалось совсем не просто: ведь в октябре «с югов» возвращались отпускиники, и старожилы помнят, что в это время в зданиях аэропортов найти место, чтобы «присесть» или тем более «прилечь», было архисложнейшей задачей — люди в ожидании своего «борта» проводили здесь порой по несколько недель.

...Пробиться к кассе помогли командировочное удостоверение, которое Шубин нес торжественно, как знамя, и подсказанный в высоких кабинетах сим-сим: «Обкомовская бронь!» Кассирша, стараясь переكري-

чать сотни жаждающих, что-то пыталась ему втолковать, на что тот согласно кивал, слыша заветное слово «Уренгой». Уже в салоне самолета они узнали, что их направили в Тарко-Сале, расположенный, как объявила стюардесса, «между рек Пякупур и Айваседапур на правом берегу реки Пякупур». Звучало, конечно, красиво, но загадочно-пугающе. Правда, «хозяйка поднебесья» успокоила: «Главное, что вы из Тюмени выбрались...» Приземлились глубокой ночью, которую командировочным предстояло провести в избушке, называемой аэропортом. Все бы ничего, но на шубинскую попутчицу стали пристально поглядывать какие-то темные личности — как потом объяснили Витьку, это могли быть возвращавшиеся с севера молдаване-вахтовики. До утра пришлось сторожко подремывать на скамейках, дожидаясь открытия работы райкома комсомола.

...Их встретил тридцатилетний жизнерадостный секретарь:

— Что ж, поживете здесь недельку-другую, а там что-нибудь да прилетит...

— Вы шутите?

— Какие шутки? Вы знаете, как мы народ собираем на отчетно-выборную конференцию? Кто на собаках, кто на оленях добирается... Вот и ждем-пождем, пока кворум соберется.

Но посмотрев, как вытянулись лица посетителей, заразительно рассмеялся:

— Да ладно, я знаю, что в обед самолет отправится — только не в Новый, а в Старый Уренгой. Переправитесь через Пур, а там на вертолете всего километров сто...

Действительно, АН-24 взлетел вовремя, и через какие-то полтора-два часа комендант местного и, кажется, единственного общежития оформлял их на постой.

Все вроде бы ничего, но стал давать о себе знать чирей, бывший перед отъездом прыщиком, а за время северного путешествия превратившийся в одну большую опухоль на интересном месте вверху правой ноги (как выяснилось уже по приезде домой, это был карбункул, и от серьезного заражения Витька отделили какие-то часы).

Наутро зарядил дождь, под струями которого пришлось перебираться на другой берег, где вертолеты стояли понуро, опустив грустные лопасти. Благо, в Новый Уренгой каждые полчаса отправлялись грузовики, и вскоре парочка устроилась в высокой кабине оранжевого «Магируса». Все девяносто с лишним километров корреспондент «молодежки», стесняясь прелестной попутчицы, полусидел-полулежал — от боли отвлекал лишь изумительный пейзаж, проплывавший за окном. Ультрафиолет создавал какой-то необыкновенный эффект — казалось, что тундра цветет. Это было какое-то чудо: ни деревца, ни домика, ни тропок — сплошной ковер, в котором хитро переплелись яркие краски — бледно-зеленая, яркомалиновая, оранжевая, голубая... Путешественники как-то сразу притихли, даже водитель, давший попутчикам возможность насладиться необычной красотой.

Города как такового не было: улицы составляли круглые балки, а в центре высился двухэтажный барак — первое крупное здание будущей газовой столицы России. Там-то Шубин и провел несколько дней в разговорах с земляками. Оказалось, что, по сути, башкирский отряд один и сохранился как отряд — остальные добровольцы уже жили и работали поодиночке.

...От остановки автоэкспресса до дома Витёк обычно добирался минут за двадцать — на этот раз, волоча распухшую ногу, он добрал до родимого крыльца часа за полтора. Мама ахнула, встретив «раненого бойца», и тут же отправила в больницу — благо, она располагалась неподалеку. Хирург, освободив его конечность от целого стакана не зная чего, добавил:

— Повезло, что успел... Неделю лежать! Никакой трудзанятости!

Возможно, этот непредвиденный отпуск позволил Шубину написать очерк с продолжением, которым он и по сей день гордится, несмотря на пафосный — в духе времени — заголовок «Десант в будущее».

ТОЛЬКО НЕ ЭТО!

Название придумалось сразу — «Дай!». А вот над подзаголовком долго кумекали, пока широко известный в узких кругах ходок и гуляка художник-карикатурист Макс Удилов разве что не продекламировал: «Библиотека... Здоровых... Инстинктов!»

А дело происходило в те самые лихие девяностые прошлого века, когда каждый уважающий себя журналюга считал своим долгом открыть собственное СМИ. Вот и Кот Сомов решился на гешефт — благо, и бумага, и печать, и аренда стоили копейки. К тому же в воздухе витало волшебное слово «бартер» — меняли все: шины на машины, бумагу на пленку, услуги на рекламу... Местное пресс-поле вскоре было усеяно, как опятами после дождя, газетами, газетками и газетенками. Фельетонист Мышко собрал команду из талантливых, но нищих бюджетников — бывших кавээнщиков и стал выпускать еженедельник «Накось!». Бывший комсомольский вожак районного масштаба Дробчинский открыл один из первых в городе кооператив «Дробь», оказывающий рекламные услуги, в том числе на страницах учрежденного им приложения «Фунт изюма». Местные писатели, на время оставив мечту о собраниях нетленных произведений, ринулись сотрудничать с многочисленными «Ярмарками», «Торговыми рядами» и «Коробейниками», гоня маловысокохудожественную заказуху, получившую, впрочем, вскоре звучное имя «джинса». Но Сомов лишь посмеивался, глядя на потоги новоиспеченных Сувориных: ведь он приготовил для жителей Сычевска такое!

...Пилотный номер «Дай!» получился классным: на первой полосе красовалась полуобнаженная дива (Кот потратил немало усилий, чтобы уговорить бывшую одноклассницу Нельку Стефанович на этот печатный акт, да еще пришлось для подарка увести из бабулиного комода ридикюль: ретро вдруг стало в моде); подвалы трех разворотов занимал жесткий криминал, а два других — карикатуры Удилова, которые он хранил в самых дальних ящиках: не дай Бог, супруга обнаружила бы его графико-эротические фантазии. Но обещанный двойной гонорар подвиг местного Кукрыника на создание еще и нескольких рискованных этюдов под «шапкой» «Секс в политике». Но Кот не был бы Котом, если бы не придумал «гвоздя программы», в качестве которого выступила последняя полоса выпуска: на ней были заверстаны фотографии мужских гениталий числом шестнадцать — по номеру газетной страницы. Анонс обещал читателю следующего номера расшифровку характеров носителей этих растиражированных знаков мужества.

...Две недели «Дайку!» (так в народе сразу же перекрестили издание) передавали из рук в руки — даже рекордного трехсоттысячного тиража не хватило всем любопытствующим сычевцам в возрастном диапазоне от 16 до 70 плюс. Когда местный культуртрегер Глеб Калорифер, занимавшийся к тому же творчеством немецких романтиков, на фуршете после пресс-конференции одного из кандидатов в губернаторы наскочил на Сомова: «Как?!.. Вы?!.. Посмели?!.. В культурной?!.. Столице?!.. Региона?!.. Опубликовать?!.. Такое?!..», тот, туманно смотря сквозь доцента, задумчиво изрек: «А вы знаете, коллега, мне ведь до сих пор звонят, спрашивают лишний номерок... Народ жаждет просветиться... И вот я думаю...» — «Только не это!» — вскричал знаток Гейне и фон Клейста и, сжав виски, выбежал прочь.

